

Глава 1

Лежа в этой темноте, отрезанный от окружающего мира, я думал о единственном, что могу: о своей жизни. Я хотел бы сказать, что она была полна приключений и опасностей, что я доказал свою мужественность остальным представителям моего вида героизмом и отвагой. Я хотел бы сказать, что я разгромил врагов и остановил злодеев. Я всегда был фанатом супергероев и лихих воинов. Я всегда хотел быть похожим на них. Увы, я всего лишь человек со скромными средствами и, что касается остального мира, вряд ли заслуживаю второго взгляда. Конрад Этвуд, на кого бы ты посмотрел и подумал, что он особенно могуществен или важен.

Правда в том, что мир едва замечает меня, потому что мое богатство очень хорошо меня скрывает. В конце концов, я наследник огромного богатства. Я не получаю того дохода, на который меня воспитали, ни пенни из него, но и не выставляю это напоказ. Конечно, я использовал это, но не в яркой манере. Я не из тех эгоцентричных богачей, которые развлекаются тем, что тычут своим богатством в лица тем, у кого его нет. Я настолько далек от хвастуна, насколько вы могли себе представить. Нет, по правде говоря, я хотел бы сохранять как можно большую дистанцию между миром и собой, насколько это в человеческих силах.

Потому что моя мужественность доказана моим потомством.

Думаю, для меня все началось с момента моего рождения в 1973 году. Семейное состояние держало мое рождение в секрете от остального мира. О, у меня есть свидетельство о рождении, как и у всех остальных, но моя семья предпочитает держать от нас подальше любопытные глаза, поэтому несколько важных фактов обо мне были - скажем так - «сфабрикованы».

С того момента, как я сделал вдох, я был осыпан любовью. Моя мать Роуз оберегала меня, а мой отец оберегал нас. Мы жили в уединенном, но удобном доме за городом. Мы были не так далеко от города, чтобы усложнять нам жизнь, но достаточно далеко и изолированно, чтобы прошло много десятилетий, прежде чем рост города настигнет нас и вынудит семью переехать в другое место. Была организована служба доставки еды, оплаченная семейным состоянием окольным путем, что сделало ненужным для нас беспокоиться о таких вещах самостоятельно. Все, что мы делали, это заполняли заказ на то, что нам было нужно, оставляли его в почтовом ящике в конце нашей очень длинной подъездной дорожки каждый вторник, и товары появлялись там день или два спустя. Сколько я себя помню, это происходило в обязательном порядке каждую неделю, независимо от погоды или обстоятельств. Я никогда не исследовал условия соглашения и просто принимал это как данность. Только когда я стал намного старше, я узнал, что у большинства других людей не было подобного устройства, что моя семья была уникальной.

Когда я рос мальчиком, у нас не было посетителей. У нас не было и персонала. Мать заботилась обо всем по дому, пока отец работал в уединении и секретности в сарае на нашей территории, который был превращен в своего рода лабораторию. По-видимому, отец был каким-то изобретателем. Семейное состояние, по-видимому, появилось благодаря серии изобретений, которые его дед сделал еще в те времена, когда Томас Эдисон и Тесла заставляли Патентное ведомство США работать на всю катушку. Мой прадедущка, по-видимому, был действительно очень хитрым и изобретательным человеком, чьи патенты и изобретения позволили неприлично большому количеству денег вливаться в нашу казну с начала 1900-х годов. Ради соблюдения секретности моей семьей я не буду разглашать, что это были за изобретения и патенты. Достаточно сказать, что они все еще используются более века спустя, и некоторые из них являются неотъемлемой частью повседневной жизни каждого американца. Не беспокойтесь об этом; в любом случае, это не имеет отношения к моей истории.

Так на чем же я остановился? О, да. Мое детство. Оно было наполнено знаниями, познанием и исследованиями. Можно подумать, что меня прятали от остального мира, но это не совсем точно. Когда я был очень, очень маленьким, да. Меня изолировали от других детей, пока я не стал достаточно взрослым, чтобы понять, что в нашей семье были определенные границы, которые мы не хотели пересекать, что существовали правила нашего взаимодействия с внешним миром. Вскоре после того, как я по-настоящему осознал эти правила и семейную политику, все они были вбиты в мое сознание отцом и матерью, но отец внезапно скончался. Болезнь его не настигла; это случилось из-за погоды и стечения обстоятельств. Насколько я могу судить, его смерть не была ужасной (его похороны БЫЛИ тайными), но мать настаивает, что ее внезапность застала ее врасплох.

Так получилось, что моя мать, ныне убитая горем вдова, решила позаботиться о том, чтобы я получил образование, которое отец не мог предоставить напрямую. Его уроки хорошего поведения прочно засели в моем юном и впечатлительном сознании, и мама позаботилась о том, чтобы я посещал школу в городе. Она предупредила меня, что там другой мир, намного сложнее того, который я знал дома, но что там я всегда буду в безопасности и за мной все время будет присматривать бдительный глаз, невидимый, но бдительный. Пока я рос, я не был уверен в том, как она это устроила, но я могу это засвидетельствовать: ни разу меня не домогались хулиганы или нарушители спокойствия, хотя, как архетипичный «новенький», я должен был по всем правилам. Я видел, как другие дети получали изрядную долю головной боли от таких персонажей, но всякий раз, когда они замечали меня, они всегда таинственным образом отворачивались, как будто просто нахождение в непосредственной близости от меня могло каким-то образом заставить их растаять в агонии. Негодование в их глазах, когда они увидели меня, было очевидным и тревожным, но они никогда не реагировали на это. Однажды я упомянул об этом маме, и она просто одобрительно кивнула, как будто все было именно так, как и должно быть. Увидев, что пришлось пережить некоторым из этих других детей, я не стал протестовать против таинственной защиты – «дареному коню в зубы не смотрят», в конце концов. Мои первые годы в школе, конечно, были одинокими, но, к счастью, в них не было шмамов или нежелательных драк. Я думаю, что если бы не защита, я мог бы завести больше друзей и вести более нормальное общение с другими детьми, но я осознал это гораздо позже в жизни. Не поймите меня неправильно - я не был полным изгоем; у меня **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** было несколько друзей в детстве, но между нами всегда была какая-то дистанция, и я иногда ловил себя на том, что изрядно вводил их в заблуждение относительно моей семейной жизни из-за правил, которым я должен был следовать. Но, в целом, я полагаю, что могло быть и хуже. Я никогда открыто не лгал своим друзьям (отец учил меня, что говорить только часть правды или формулировать правду определенным образом всегда предпочтительнее, чем лгать, когда это возможно), но я всегда чувствовал себя одиноким из-за того, что держал личность моей семьи в таком секрете.

Годы шли, и я становился старше. Я также становился умнее. И сильнее. В средней школе я играл в футбол, а когда мне исполнилось 16, возглавил отцовскую лабораторию, превратив ее в собственную мастерскую, вместо того чтобы смотреть, как она заброшена. Я думаю, что мама сначала была расстроена этим, но когда она увидела, что я расправляю свои творческие и интеллектуальные крылья, она решила оставить все как есть. Несмотря на то, что она была блестящей женщиной сама по себе и на свой лад, она не пользовалась лабораторией и позволяла мне делать там все, что я хотел, при условии, что я приходил на ужин и содержал ее в чистоте. Я никогда не делал там ничего примечательного, но мне было очень весело возиться с вещами и узнавать, как они работают. Некоторые вещи я сделал своими руками, которые работали по моему собственному дизайну, но все они сводились к повторному изобретению колеса. Казалось, мне не суждено было пойти по стопам моего отца или прадеда, но я все равно многому научился за то время, что провел в той мастерской. То, чего я не смог понять из

эмпирических знаний, я почерпнул в библиотеке отца.

Можно было бы привести аргумент, что в этом переделанном сарае я узнал больше, чем когда-либо в школе... И я бы ни на йоту не согласился. Однако это не значит, что я мало чему научился в школе. Я изучал историю, литературу, естественные науки и математику - все предметы, которые изучали другие дети. Я впитывал все это как губка, всегда жаждал знаний и всегда был в восторге от трудностей в понимании того, как это работает. Думаю, учителя любили меня за это, но мои сверстники - нет. И без того небольшой круг моих друзей становился все меньше по мере того, как я становился старше. К тому времени, когда я был в выпускном классе средней школы, у меня, честно говоря, остался только один настоящий друг, и наши отношения были в лучшем случае непрочными - мы достаточно дружелюбно ладили, пока на него не обратила внимание одна девушка, и я отошел на задний план его жизни, став тем, кому он кивал, когда мы проходили мимо в коридорах, и обменивался небольшими шутками в двух или трех наших общих классах. Я думаю, что сейчас он женат на той молодой женщине, которая вскружила ему голову, и у них есть пара детей. Я не расстроился из-за того, что мой последний и единственный друг в «реальном мире» так легко ушел от меня; он был моим другом, и я был рад за него, что он нашел девушку, которая ему понравилась.

И это подводит меня к интересному моменту моей юности: девушкам. Замечал ли я их? Ну конечно! У меня такая же красная кровь, как у любого живого мужчины! Когда я был молодым человеком, я был так же заинтригован хорошенькими девушками, как и любой другой парень. Но интерес, должен признать, был лишь поверхностным. Я признавал их юношескую красоту и очарование, но правда заключалась в том, что я каждый день возвращался домой к самой красивой женщине, которая, насколько я знал, существовала: моей матери. Она научила меня, намеренно или случайно, тому, какую женщину я должен хотеть в своей жизни. Я хотел умную, целеустремленную, спокойную, элегантную, мудрую женщину. Девочки, с которыми я ходил в школу, были очень хорошенькими, но далеко не такими утонченными, как того требовали мои высокие стандарты. Поэтому я довольствовался тем, что смотрел, но никогда по-настоящему не приближался. Некоторые из них подходили ко мне, некоторые были очень дерзкими в своих заигрываниях, но я всегда видел их попытки насквозь и отмахивался от них. Их слабые выступления в виде низкопробных манипуляций и флирта были неуклюжими, неуклюжими и без изящества. Я никогда не был жесток, давая им отпор, но я всегда ясно давал им понять, что ни одна из них не была той женщиной, которую я искал. Им не хватало утонченности, необходимой, чтобы заинтересовать меня. Большинство из них были мягко расстреляны и даже, казалось, оценили мою добрую и уравновешенную манеру прогонять их; немногие из них приняли мой отказ еще менее изящно, чем преследовали меня. Я думаю, что некоторые из моих одноклассниц, как мальчики, так и девочки, думали, что я, возможно, гей, но я точно знаю, что поставил в тупик практически всех из них. У меня просто не было интереса заводить временные отношения с девушкой, которая в конечном итоге разочаровала бы меня. Я имею в виду, какой в этом смысл, верно?

Однако в день моего выпуска один из моих одноклассников сказал нечто, что показалось мне очень странным, когда он увидел мою мать в аудитории, сначала не зная, что она моя мать.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://erolate.com/book/4388/157799>